

Александр Хвостов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+



Живи, пока молодой

Александр Владимирович Хвостов

Живи, пока молодой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54122665

SelfPub; 2021

Аннотация

В своей квартире жестоко убита пожилая женщина-инвалид. Под подозрением зять погибшей, поскольку не задолго до убийства в семье был скандал и алиби у мужчины нет; однако в процессе следствия выяснится, что убийца совсем другой человек. Чем могла помешать убийце старушка-инвалид?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.Рассказы.	4
«Это мой последний дом»	8
«Чистосердечное признание, или монолог заключённого»	12
2.«Живи, пока молодой!»	17
Часть первая	20
2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Хвостов

Живи, пока молодой

1. Рассказы.

«Последний приют, или ссылка без возвращения»

Сколько бы ни прошло лет, а я никогда не забуду, как однажды, по заданию моей редакции, поехал в дом инвалидов, чтобы сделать о нём большую статью ко дню инвалидов. Чем же мне эта поездка запомнилась? Разумеется, тёплым, почти домашним приёмом директрисы сего заведения, Ольги Валерьевны Тереховой. До сих пор помню её портрет: невысокая, чуть полноватая, круглолицая и светловолосая. На последних двух деталях хочу остановиться подробнее: её светлые волосы были коротко и вполне симпатично острижены, а в круглом лице было просто море обаяния, света и тепла, что это не могло не расположить к разговору. Чего стоит одна её мягкая и добродушная улыбка. Едва мы устроились в кабинете Ольги Валерьевны, как она мне заботливо предложила чая. Однако я отказался, чтобы не терять времени, и мы начали нашу беседу. Надо сказать, что моя собеседница была весьма легка в разговоре, как во время танца (язык подвешен

очень хорошо!), речь довольно свободная, раскованная, я бы сказал даже, гибкая. Не буду скрывать, я, наслушавшись до тошноты сухих, казённых высказываний представителей наших городских властей, наслаждался этой речью и мне хотелось её слушать, забыв обо всём. В нашем разговоре Ольга Валерьевна поведала мне, что чаще всего к ним попадают люди, от которых отказались их родные, не желая заботиться о своих мамах, папах, бабушках и дедушках. «А бывает и того хуже, – говорит директриса, – некоторые наши постояльцы сами просили нас приютить их здесь, так как дома они были постоянно травмируемы своими родственниками просто за то, что стали инвалидами по разным причинам, и не могут полноценно что-то делать в семье или сделались там для всех помехой. И только в наших стенах эти люди находят заботу, участие, внимание и любовь, которых им не хватало дома. Но самое горькое – то, что некоторые наши постояльцы называют наше заведение своим домом, а нас своей семьёй. Нет-нет, нам не жаль для них ни любви, ни тепла, ни уюта... Просто до боли обидно, что в наше время человеку хорошо с чужими ему людьми и в чужих стенах, чем в своей семье и в своём доме». Я спросил её, почему, по её мнению, это так сегодня? Что это – родители в своё время не додали должного воспитания или наоборот, дали не те ориентиры неправильным отношением к своим родителям? А, может, всё просто: сострадание ближнему и забота о нём в наше время не в цене и не моде? Ольга Валерьевна долго думала. На-

конец она дала мне вот такой ответ: «Знаете, молодой человек, боюсь, что вы правы в двух пунктах из трёх: это недостаток воспитания и, как вы правильно сказали, обесценились в наше время добро, забота о старом или немощном человеке, сострадание и внимание к нему. Вот вам пара моментов: два дня назад сама видела, приехав с работы, как соседка, старенькая довольно бабушка, с двумя полными авоськами тискается у входной двери, пытаюсь её открыть, а напротив сидели пацаны лет 17-ти, курили и болтали; и хоть бы один подошёл и помог старушке! Слава богу, мы с той соседкой жили на одной площадке и я ей крикнула, чтобы она подождала меня. Подойдя к бабушке, я открыла дверь в подъезд и помогла донести её сумки, а заодно по паре слов с ней перекинулись. Или вот ещё история, прочитанная мной в газете неделю слишком назад: тоже бабушка рассказывала, как её дома родные так затравили тем, что она стала инвалидом после тяжёлой автоаварии, как будто это её вина в создавшемся положении, как будто она, прибывая в нём, обирала всех до нитки и объедала до крошки... Да и вообще относились к ней настолько по-хамски, что старушке только и осталась, что сбежать в дом инвалидов, где её не обидят, где её полюбят и где она не будет никому обузой. К слову говоря, и у нас не мало людей с такими же история». Я спросила директрису – а было ли так, чтобы к кому-то из них приходили их родные и просили, умоляли вернуться домой? Ответ не заставил себя ждать: «Честно говоря, я что-то не помню таких эпизодов.

Да даже если бы хотя бы один был бы – боюсь, мало кто из наших постояльцев согласился вернуться домой. – я спросил почему? – Думаю, многие из просто столько всего натерпелись, что просто хотят дожить свои дни в покое. Впрочем, что там стариков домой вернуть! К ним и так никто не жалуется, чтобы проведать, покаяться за былое, помочь... Простите за сравнение, но впечатление, что инвалид в нашей стране подобен барахлу, от которого надо любым способом отделаться и забыть, а вместе с ним забыть совесть, долг, доброту и сострадание». Было очень грустно слышать последние слова директрисы и потому, простившись с ней, я уехал в редакцию с тяжёлым сердцем и не менее тяжёлым вопросом: «Да неужели и вправду современный человек превратился в бесчувственную машину?»

29-го января, 2018г.

«ЭТО МОЙ ПОСЛЕДНИЙ ДОМ»

Здравствуйте, добрые люди! Зовут меня Телегин, Василий Макарович. Я живу в доме престарелых уже три года как. Как мне здесь живётся? Да, можно сказать, хорошо: есть, с кем и пообщаться, и поиграть в шахматы, в домино; да и в комнатах у нас всех чистенько, опрятно, хорошо... Словом, грех пожаловаться! Да и относятся к нам тут тоже побожески. А вот как я сюда попал – это уже другой вопрос и об этом я попробую вам рассказать. Был у меня сын... Точнее сказать, он для меня и поныне ещё есть, а вот я для него был. Зовут его Ваня и он теперь уже взрослый человек. Знаете, мы с покойной матерью его всю жизнь положили на то, чтобы он стал достойным человеком: я занимался с Ванюшкой спортом, поскольку сам преподавал физкультуру в школе, в лес за грибами и ягодами с ним ездил, на рыбалку его брал, а жена занималась его духовно-нравственным воспитанием: к книгам хорошим приучала, водила на интересные спектакли в ТЮЗ, на балеты и фильмы... Словом делали сына человеком. Шло время, Ваня рос, учился в школе... Точнее было бы сказать, учились я и мать, а сын просто в школу ходил, поскольку учиться он ненавидел. Впрочем, и тут следует сделать поправочку: до 7-го класса нам с матерью ещё удавалось это дело контролировать и направлять его на правильный путь словами, а начиная с 7-го класса пошли скан-

дали по поводу его учёбы и домашних заданий, доходившие порой до оскорблений матери и драк со мной. Отчасти и из-за этого жена раньше времени в гроб слегла – не выдержало материнское сердце сыновних обид. Остались мы с Ваней одни. Он с грехом пополам закончил девятый класс и пошёл работать на автомойку, заявив, что больше учиться не хочет. Армия Ване не грозила по причине проблем со зрением (что правда! Ещё в 7-м классе у Вани почему-то сильно село зрение и ему прописали очки для постоянного ношения). Честно говоря, я иногда всё-таки жалею, что он в армию не попал – может быть, она-то бы и ввинтила ему мозги на место. Нельзя сказать, что меня не радовало, что сын работает, а не ворует и вообще не вяжется с криминалом; но мне откровенно не нравился его, как мне кажется, разгульный образ жизни: он нередко мог пропасть на двое-трое суток у кого-то из своих друзей, где они отдыхали, выпивали, а, возможно, и с девками кувыркались... Наверно, вы меня спросите, откуда я про девок знаю? Да просто один раз, ближе к полуночи, я позвонил Ване, чтобы узнать, как он (а он как раз был у одного из своих приятелей!), и когда Ваня ответил – в трубке послышался девичий хохоток... Ну, и я подумал, что там молодёжь отдыхает по полной программе. Впрочем, был ещё момент, о котором я расскажу попозднее. Первое время я объяснял это безобразие тем, что сын ещё молод, не нагулялся и всё такое прочее; но однако Ване дотикавал 25-й год, когда пора бы остепениться и подумать о семье, о детях и

о нормальной жизни. Словом, пора бы было найти нормальную девушку, жениться и детей рожать! И надо сказать, я однажды затеял с Ваней такого рода разговор, чтобы хоть немного образумить моё дитя... Но не тут-то было: Ваня ни о чём таком и не помышлял, по-прежнему таскался по своим друзьям и валялся с бесстыжими девицами. Помню, одну такую он рискнул притащить к нам в дом и объявил мне, что будет с ней жить. До сих пор в памяти это человекоподобное существо: рыжая, вся разрисованная, как индеец перед боем, напмаженная, в какой-то непонятной курточке, за которой виднелись её прелести, и в юбочке, едва-едва прикрывающей заднюю часть тела девушки... В общем, шлюха шлюхой! Не скрою, объявление сына, что он будет жить в нашем доме с этой дрянью, взбесило меня – и я за шиворот вышвырнул девицу вон из квартиры. Когда Ваня попытался выйти за ней я стал его задерживать – завязалась драка, в которой я проиграл, так как сын ударил меня так больно, что я на какой-то момент перестал понимать, что происходит. Ваня убежал, а я, уже очухавшись, всю ночь провёл один без сна. Сидя на кухне и попивая чай, я пытался понять: что я сделал не так? Неужели это мне расплата за то, что я хотел приучить сына жить, как человек: то есть, как тот, у кого есть не только своё Я, которое лучше бы засунуть в задний карман, но и долг – перед родными, перед семьёй, перед родителями? Неужели сегодняшний человек – это тот, который совершенно свободен от всяческих долгов и обязательств, и который живёт, не

дуя в ус, и наслаждается этой жизнью? И, наконец, неужели мы, родители, вырастив наших чад, становимся помехой в этой их жизни? Судя по моей ситуации, да. Утром, собрав свои вещи, я написал Ване записку: «Живи, как хочешь и с кем хочешь! Я ушёл навсегда. Если хочешь – считай, что я умер». Сделав это, я ушёл сюда, в дом престарелых. Сына с тех пор я больше не видел.

25-го февраля, 2018г.

«Чистосердечное признание, или монолог заключённого»

Меня зовут Новиков, Егор Иванович. Родился я 1-го января 1990-го года. Отца я не знаю, а отчество Иванович мне дали от имени моего дяди, Ивана Федотовича Новикова. Вот он мне и был за отца, поскольку своей семьи у него почему-то не было. Мать мою звали Новикова, Мария Федотовна. В настоящее время я сижу в исправительной колонии строгого режима, где быть мне ещё очень долго.

Впрочем, какая разница, как меня зовут, сколько мне лет, когда я родился, где я сижу... А главное, какая разница, кто мои родители? Они были – и теперь их нет. Спросите – почему? Я вам готов рассказать об этом.

Началось всё в 2010-м году. Мне было тогда 20-ть лет и я на ту пору три года, как учился в институте. Хотя, надо сказать, учёба мне была глубоко до лампочки!.. Это просто мать запихала меня в институт, чтобы потешить своё самолюбие, потому как она была у меня преподавателем, доктором наук – и ей как-то стрёмно было бы при такой степени иметь сына-обалдуя. Это, наверно, тоже самое, что увидеть шаха верхом на осле. А так можно было бы перед коллегами похвастаться, как декоративной собачкой: «Вот, мол, будущий профессор идёт! Мой наследник, моя гордость!..» Честное

слово, смешно – хоть за живот держись! Словом, учился я с горем пополам, меня даже хотели исключить за неуспеваемость... Но мать подсуетилась и упростила кого нужно дать мне шанс сдать сессию. Моя учёба была поводом для ежедневных скандалов... Не скрою, я сам и кричал на маму, и ругал её на чём свет стоит... А если она меня здорово выводила, то и бил. После чего убегал из дому куда-нибудь развеяться, а если повезет – то и напивался в хлам для полного снятия напряжения. Правда, на утро после этого было вдвое хуже: мало того, что голова разлеталась на части, да ещё мать, зараза ядовитая, вопила, что от меня ни толку, ни любви, ни радости; что я только сижу на её шее, жру за её счёт, поношу на весь свет и водкой глаза заливаю. Однажды свидетелем очередной сцены стал дядя Ваня. Я помню всё, как будто это было вчера. В тот день я пришёл домой выпивший, однако понимал, где я и что вокруг меня происходит. Мама тут же стала меня отчитывать за это дело, на что ей сказал, куда бы ей пойти, и добавил, чтобы она не мешала мне жить, как я хочу.

– Ты как с матерью разговариваешь, сопляк! – вмешался дядя Ваня. – А ну, извинись сейчас же!

– Да пошёл ты... – сказал я, толкая дядю, и пошёл на кухню.

– Я тебе пойду, гадёныш такой, – поднимаясь, сказал дядя и последовал за мной.

Тут началась драка. В какой-то момент я успел схватить

со стола нож и вонзил его дяде в живот по ручку... Дядя умер тут же.

– Ты что сделал? – спросила меня мать, увидев эту страшную картину и едва веря в то, что она видит. – Ты же убил его. – сказала она, осознавая произошедшее. – Ты убил его, сволочь такая! – заорав это, мама кинулась на меня.

Поняв быстро, что она меня сейчас разорвёт на тряпки, я ударил её кулаком – мама упала на пол. После чего я сел на неё верхом. Руки её, я помню, зафиксировал своими коленями. И, смотря в её серые, полные самой лютой, какая только может быть, ненависти глаза, я сказал маме:

– Да, я убил его. И тебя, старую гадину, убью и не пожалею об этом, потому что нет моих сил тебя терпеть. Сколько можно плясать под твою дудку, в том числе ходить в твой чёртов институт!.. Ты что думала, что я буду таким же убогим «ботаником», как ты? Что я вот так же до пенсии буду чинно ходить в школу или Вуз, преподавать, сеять разумное, доброе и вечное? Вот дура наивная! Господи, какая дура!.. Да мне это к дьяволу не нужно!.. Да, я хочу гулять, водку пить, девок «трахать»! А на институт твой дурацкий я бы хотел наплевать и размазать!.. А ты своими протухшими мозгами этого понять не хочешь. Вот за своё непонимание и получай теперь!..

С этими словами я вонзил маме в сердце тот же нож. Всё было кончено. И теперь нужно было избавиться от трупов и окровавленных улик – одежды и ножа. План был такой: тру-

пы расчленишь и сложишь в большие мусорные пакеты (благо, такие у нас были!); нож и одежду, которая на мне, сложить в мешок поменьше и ночью всё это огородами вывезти на свалку, а лучше в лес, где и зарыть. Впрочем, нет, одежду с ножом лучше бы утопить в какой-нибудь речке – тогда точно никто ничего не докажет. А через трое суток прийти в ментуру и подать заявку о пропаже родичей. Да уж, цирк был бы тот ещё!.. Но этому плану не судьба была сбыться: в тот же вечер ко мне заявились люди в форме (видно, соседка вызвала) и взяли меня тёпленьким. А дальше всё, как обычно: следствие, суд, приговор. Помню, когда я рассказывал следователю Сергею Павловичу Медведеву, ведшему моё дело, всё выше описанное, он, кончив писать протокол, долго смотрел на меня своими серыми глазами.

– Что вы на меня смотрите? – спросил я.

– Да хочу понять, кто передо мной? – сказал Медведев.

– Что значит, кто перед вами! – усмехнулся я. – Человек.

– Человек? – вспыхнул Медведев. – Да какой ты, к чёрту, человек?! Тебя после всего этого – он потыкал в записи – и зверем не назвать, потому что даже зверям иногда не чужды чувства. А ты... ты просто выродок. Я тебя слушал сейчас – мне было жутко и холодно от макушки до пяток; а тебе хоть бы что! Даже ни одной слезинки не скатилось по убитым тобой родным. И ты себя человеком считаешь?.. Я бы очень хотел, чтобы ты никогда не вышел из тюрьмы. Таким, как ты, не должно быть мета среди нас.

– А вот это мы посмотрим, – сказал я, после чего меня увели в камеру. Такая вот история.

23, 10, 2015г.

2.«Живи, пока молодой!»

Повесть От автора

Прежде всего, я бы хотел попросить прощение у всех родителей, бабушек и дедушек на тот случай, если буду ими неверно понят. Цель же, с которой я и решил написать эту повесть, в том, чтобы достучаться до ума и сердца отдельных представителей молодёжи и попытаться сказать им, что в этой жизни ничего даром не даётся, и что они должны заботиться о своих престарелых родственниках так же, как те заботились о них в детстве. Проще говоря, я хотел попробовать предпринять ещё одну попытку пробудить в этих людях совесть. К сожалению, как ни печально, имеет место тот факт, что стариков сдают в дом престарелых, в дом инвалидов, а то и вовсе убивают...

И всё это ради того, чтобы они не мешали более молодым, сильным и здоровым наслаждаться жизнью, не брюзжали и не поучали. Об этом говорят в газетах, на ТВ и в Интернете. Однако я задумал настоящую повесть, опираясь не только на информацию из данных источников, но и вспомнив как-то в очередной раз о том, как сам, будучи студентом факультета журналистики, во время практики побывал в доме инвалидов, который находится в нашем городе;

и вспомнил так же впечатление от этой поездки... Оно у меня до сих пор двоякое. Да, в этом богоугодном заведении, как сказал бы Гоголь, есть и уютные комнатки для проживания постояльцев, и музей, где хранятся, например, кубки и медали здешних участников параолимпийских игр, и библиотека; есть там и врачи, и психологи... Но, поставив себя на место пребывающих там людей, я почувствовал себя Робинзоном на благоустроенном острове, за которым уже никто и никогда не приплывёт. То есть, у этих обитателей есть всё, что им нужно, но сами они не нужны никому из своих родных. А это-то и самое печальное и, думаю, эта моя повесть на данную тему будет далеко не последним сочинением.

Что касается повести, то хочу сказать, что это не дешёвая и плохая подделка под роман Достоевского «Преступление и наказание»... Хотя переключку с ним вы отчасти найдёте. Но есть и разница: Раскольников убил старуху, которая наживалась на несчастьи других, а мой убийца приговорил старушку-инвалидку, потому что она ему мешала в этой жизни. А это совсем другая статья!

Так же прошу прощения, если, по чьему-то мнению, окажется, что я допустил неточность при описании сцен работы сотрудников милиции. И не потому, что я об этом ничего не знаю... Слава богу, и по книгам других детективщиков, и по криминальным телепрограммам мне немного это известно. Но, скажем так, я в моей повести сделал большой

упор на нравственные проблемы и вопросы. А почему, собственно, детектив? Мне этот жанр интересен тем, что он построен по принципу пазла, где надо попытаться собрать все кусочки, чтобы получить полную картину преступления. А как я с этим справился – решать вам!..

А. Х.

Часть первая

1

Старушка сидела в своей комнате и смотрела какой-то очень интересный сериал. И потому не слышала, как некто вошёл сперва в квартиру, а после тихо, как-то по-кошачьи, проник к ней, и не предполагала, что этот сериал будет последним, что она увидит в этой жизни...

Было половина второго часа дня, когда Анна Светлова отперла квартиру и вошла в неё. Никто её не вышел встречать, чего обычно никогда не бывало.

– Ау, я дома! – сказала она, снимая с плеча свою сумку, толстую от тетрадок, и ставя её на пуф в прихожей. В ответ доносилась лишь тишина.

– Есть кто дома? – спросила Анна и вновь не услышала ответа.

Дома должны были быть сын Анны Артём, школьник 15-ти лет, и её мать, Дарья Дмитриевна Серова, пенсионерка 65-ти лет, инвалид-колясочник, жившая в квартире Светловых.

«Спят что ли? Или гулять пошли?» – думала Анна.

И, действительно, были нередкими случаи, когда Артём (или Тёма, как звали его близкие), придя из школы, выводил бабушку погулять, а после садился за уроки. Раздевшись и положив ключи в ящик светлого трюмо с узким зеркалом,

стоявшим справа от входа, Анна, будто сторож, стала обходить квартиру, ища домочадцев.

– Мама, Тёма! Вы где? – попыталась снова дозваться Анна. Но в ответ вновь тишина.

Дойдя до комнаты матери, Анна услышала тихонько работающий телевизор и увидела, что дверь туда была прикрыта. Хотя Дарья Дмитриевна никогда не закрывала к себе дверь. Открыв дверь, Анна обнаружила мать, лежащую на полу. Подумав, что той плохо, Анна подбежала ближе и увидела, что мать лежит в луже крови. В первые секунды Анна не могла что-либо понять; казалось, это был очередной кошмар, который может присниться, когда пересмотришь какой-нибудь жути. Однако, вскоре убедившись, что эта страшная картина всё же реальная, Анна с перепугу завопила и вылетела в подъезд, крича о помощи. На крик Анны сбегались соседи.

– Ань, ты чего? – спросила её Алла Беликова, соседка сбоку.

– Там... там м-мама уб-б-битая леж-жит, – кое-как проговорила Анна.

– Господи Иисусе! – вскрикнула баба Нина, соседка с квартиры напротив. – Да кто ж это её, несчастную?!

– Я сейчас вызову милицию и «скорую», – сказал, доставая из кармана брюк мобильник, Олег Беликов, муж Аллы. – Маму как зовут... прости, то есть, звали? – спросил Олег Анну.

– Серова, Дарья Дмитриевна, – сказала Алла.

– Алло! Милиция, примите вызов! – быстро сказал Олег. – улица Белинского, дом 3, квартира 10. Убили человека. Серова Дарья Дмитриевна. Лет ей примерно 60. Как убили? Я не знаю, потому что убийство произошло у соседей. Ждём.

Всё тоже самое Олег сказал, вызвав «скорую», после чего все, включая и Анну, подались в её квартиру.

2

«Скорая» и милиция приехали быстро. Олег открыл дверь и увидел участкового и опергруппу со следователем, а так же криминалиста и судебного медика с санитарями.

– Здравствуйте! Это вы вызывали милицию? – спросила женщина лет так 40-ка, темноволосая и весьма ухоженная. Взгляд у неё, как и тон в голосе были прямые и строгие.

– Да, мы, – сказал Олег.

– Следователь Перова, Ольга Алексеевна, – сказала женщина, вынув удостоверение.

– Капитан Кузьминский, Виктор Павлович, – сказал мужчина лет 30-ти, слегка смуглый и от того производивший впечатление, что он немного не русский, темноволосый и коротко остриженный.

– Лейтенант Маслова, Раиса Максимовна, – следом за Кузьминским произнесла светловолосая молодая женщина 25-ти лет, с большими карими глазами, ямочками на щеках и тонкими, слегка улыбающимся губами.

Представившись, офицеры и так же предъявили свои документы.

– Проходите, пожалуйста! – сказал Олег. – Я сейчас позову потерпевшую. – Алла, Аню приведи – тут милиция приехала, – крикнул он на кухню, где Алла отпаивала перепуганную Анну валерьянкой и чаем, а баба Нина сидела рядом и

утешала убитую горем соседку.

Все три женщины вышли из кухни на зов Олега.

– Здравствуйте! – сказала немного пришедшая в себя Анна.

– Здравствуйте! – сказала Перова, представляя себя, Маслову и Кузьминского. – Это вы потерпевшая?

– Да, я, Светлова, Анна Ивановна, – ответила Анна.

– Покажите, пожалуйста, где вы обнаружили труп! – попросила Перова.

– Пройдёмте в комнату налево! – сказала Анна.

Они все вошли в комнату убитой. Увиденное поразило своими неопишесыми, даже и не человеческими, и не звериными, а какими-то инопланетными или бесовскими кошмаром и жестокостью многих, включая, казалось бы, всё прошедших и всё видавших Перову и Кузьминского; и никак, никому не поддавалось хоть сколько-нибудь внятному пониманию и объяснению.

Чтобы не мешать и другу, и работе, было решено поступить так: Перова и Маслова будут допрашивать в соседних комнатах Анну и бабу Нину, а Кузьминский с участковым, экспертами и четой Беликовых, оставшихся в качестве понятых, будут проводить работу на месте преступления.

– Ничего себе! – сказал криминалист Юра Снегин, рыжий, молодой и шустрый парень, делавший фототаблицу трупа старушки. – Кто ж её так?

– Кто и за что? – тихонько отозвался Кузьминский, осмат-

ривая место происшествия и делая записи в протоколе. – Хоть бы бардак навели в комнате для приличия, что ли.

– А орудие убийства с отпечатками пальцев тебе для приличия не оставить? – слегка хохмя, сказал Снегин.

– Ага! А ещё записку, мол, это я «замочил» бабулю; зовут меня Вася Пупкин, живу там-то, телефон такой-то, – в тон Снегину ответил Кузьминский и тут же обратился к судебному медику Алёне Белкиной, хорошенькой блондинке с серыми глазами:

– Что скажешь, медицина?

– Если говорить о внешней картине, то ясно одно: старушке раскроили голову тяжёлым и острым предметом, – сказала Алёна. – По крайней мере, об этом красноречиво говорит рана наверху головы. И смерть наступила примерно три-четыре часа назад. Но от чего именно бабушка скончалась – я точно не скажу. Сам понимаешь, возраст – а от сюда и болячки всякие... И вполне может быть такой поворот, что погибшая могла умереть раньше, чем убийца стукнул её по голове.

– Так, сейчас четырнадцать ноль-ноль, – сказал Кузьминский, глядя на часы, – стало быть, бабушку стукнули в районе десяти-одиннадцати часов утра?

– Выходит, что так, – ответила Алёна.

– От чего, например, старушка могла бы умереть? – спросил Алёну Кузьминский.

– Сердечко могло отказать или инсульт случится... Хотя,

судя по мимике, insultом тут и не пахнет. Да мало ли, что ещё могло вылезти! – сказала Алёна. – Но, так или иначе, а нужно везти бабулю в морг и там во всём разбираться.

– Ты сказала, что погибшую ударили тяжелым и острым предметом. Топор может быть таким? – спросил Кузьминский.

– Вполне, – ответила Алёна. – И, судя по тому, что удар ей пришёлся сверху, я так думаю, что били старушку тогда, когда она сидела в коляске.

– А чего ж она на коляске ездила? Вроде ж обе ноги на месте... – озадачился Кузьминский.

– А это или я скажу тебе после вскрытия, или Ольга Алексеевна, может, что-то у нашей потерпевшей выяснит. – сказала Алёна.

– Разрешите сказать! – будто школьница, сказала Алла.

– Слушаем вас, – сказал Кузьминский.

– Видите ли, я сама врач и наблюдаю эту семью, – начала Алла, – и погибшая в том числе была моей пациенткой. Я выписывала ей противосудорожное лекарство, так как у неё была эпилепсия.

– Ого! – сказала Алёна. – Вот это новости! И часто у неё были приступы?

– Как мне говорили и Аня, и сама погибшая, не часто, обычно два-три случая за год, – сказала Алла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.